

Л 12762

Современный Миръ

С. ел.

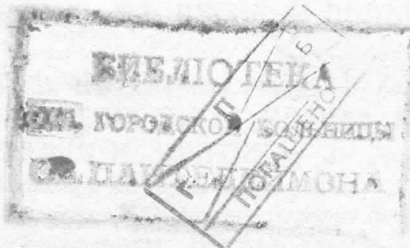
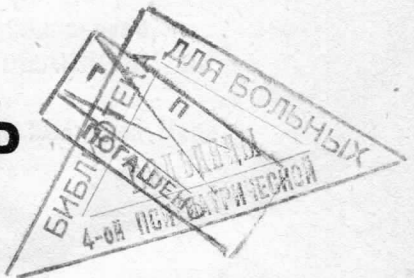
1908. IX

8

кнв. 2152

СЕНТЯБРЬ

1908

Дол. Александрова

№ 232

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТР
1. НА ПЕРЕКАТЪ. Александра Кипена	5
2. ТИХАЯ ДОСТОВѢРНОСТЬ. Стих. К. Бальмонта	37
3. ТЕОРІЯ ГОСУДАРСТВА ВЪ УЧЕНИИ МАРК- СИЗМА. М. Рейснера	38
4. НѢМАЯ ЛЮБОВЬ. Стих. К. Бальмонта	68
5. ЛОГИКА. Романъ. (Окончаніе). Н. Осиповича	69
6. * * * Стихотвореніе. Владимира Волькенштейна	110
7. ФИЛОСОФЪ ПОЛА и ХАРАКТЕРА. Гр. Полонскаго	149
8. * * * Стихотвореніе Дмитрія Цензора	111
9. УЖАСЪ СЧАСТЬЯ. (Романъ). И. Потапенко	151
10. ЖЕМЧУГЪ ЦАРЕВНЫ. Стих. П. Соловьевой	189
11. ОТЪ ВЕЛИКАГО БАРИНА КЪ ВЕЛИКОМУ МУ- ЖИКУ. Вл. Кранихфельда	191
12. КРОВЬ И ПЕСОКЪ. Романъ Бласко Ибаньеса Пере- водъ съ испанскаго М. Ватсонъ	222
—	
13. НАУКА И ЖИЗНЬ. Человѣкъ-двойникъ. (Гипотеза о двойственности природы человѣка). В. Агафонова	1
14. ХРОНИЧЕСКІЙ ДЕФИЦИТЪ. М. Боголѣпова	17
15. НЕОСЛАВИЗМЪ ВЪ РУССКОЙ ПОЛЬШѢ. К. За- левскаго	35
16. НА РОДИНѢ. Миссіонерскій сѣздъ. І. Ларскаго	46
17. ОКТЯБРИСТЫ ПРОТИВЪ „НЕГРА“. Е. Смирнова	61
18. БИБЛОГРАФІЯ И КРИТИКА. А. Даманская . Раз- сказы. — Владиміръ Н. Кошмарные годы. — „ Стеверные сбор- ники“. — У. Вятринскій . Герцень:— Несторъ Котляревскій . Ры- лъевъ.— В. Трахтенбергъ . Блатная музыка.— Давидъ Юмъ . Диалоги о естественной религіи.— Веніаминъ Тэжерж . Въсто книги.— Н. Каръевъ . Западно-европейская абсолютная мо-	

нархія XVI, XVII и XVIII вв.—С. Прокоповичъ. Рабочее движеніе въ Германіи.—В. В. Громанъ. Организація работодателей въ Германіи.—А. А. Кауфманъ. Русская община въ процессъ ея зарожденія и роста. *Его-же.* Аграрный вопросъ въ Россіи.—Б. Д. Бруцкусъ. Профессиональный составъ еврейскаго населенія въ Россіи.—Николай Зографъ. Курсы зоологіи для студентовъ—естественниковъ, медиковъ и сельскихъ хозяевъ.—Бруаръ. Путеводитель къ научному познанію обыденныхъ явленій природы и жизни. 70

19. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. 70

20. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА (по 1 сентября 1908 г.) 102

21. ОБЪЯВЛЕНІЯ 153

скихъ аргументовъ бытія Бога. И въ этомъ смыслѣ „діалоги“ оказали несомнѣнное вліяніе на Канта.

По истинѣ замѣчательнымъ мѣстомъ въ „діалогахъ“ являются послѣднія страницы, гдѣ Филонъ опредѣляетъ свое отношеніе къ практической роли религіи.

Общераспространенный взглядъ, будто религія служитъ основой нравственнаго поведенія, подвергается здѣсь самой рѣшительной, самой безпощадной критикѣ. „Удостоверено опытомъ, говоритъ Филонъ, что самая крохотная крупица природной честности и благожелательства оказываетъ большее дѣйствіе на поведеніе людей, чѣмъ самыя напыщенные воззрѣнія, внушенныя теологическими теоріями и системами“ ¹⁾. Касаясь значенія религіи въ ходѣ историческаго развитія, Филонъ заявляетъ: „Если въ какомъ нибудь историческомъ повѣствованіи упоминается о релігиозности, то можемъ быть увѣрены, что послѣ этого встрѣтимся съ подробностями бѣдствій, сопровождающихъ ее. И никакой періодъ времени *не можетъ быть болѣе счастливымъ и болѣе благоденствующимъ, нежели тотъ, въ которомъ о ней нѣтъ ни слуха, ни духа*“ ²⁾. Въ этомъ важномъ пунктѣ знаменитый англійскій мыслитель былъ солидаренъ съ французскими материалистами.

Врощюра г. Роговина, несмотря на ошибочность ея главной мысли, обладаетъ, однако, нѣкоторыми достоинствами. Она написана ясно и талантливо, содержательна въ смыслѣ матеріала и поэтому вводитъ читателя въ кругъ вопросовъ, составляющихъ предметъ „діалоговъ о естественной религіи“.

Переводъ сдѣланъ г. Роговинымъ очень хорошо. *Ортодоксъ.*

Веніаминъ Тэкерь. — (Эпиграфъ). „Свобода не дочь, а мать порядка“. (Прудонъ). — **Вмѣсто книги.** — **Написано человѣкомъ, слишкомъ занятымъ, чтобы писать книгу.** — **Переводъ и редакція М. Г. Симановскаго.** — Москва, 1908 г. — Веніаминъ (по англійскому произношенію — Бенджэминъ) Тэкерь долженъ быть признанъ самымъ виднымъ, а вѣрнѣе сказать, единственнымъ виднымъ теоритикомъ *индивидуалистическаго* анархизма. Этотъ анархизмъ очень мало извѣстенъ въ Западной Европѣ и еще менѣе извѣстенъ въ Россіи, гдѣ словомъ анархизмъ обыкновенно связывается представленіе о такъ называемомъ *коммунистическомъ* анархизмѣ. А между тѣмъ, индивидуалистическій анархизмъ заслуживаетъ большаго вниманія уже по одному тому, что онъ доводитъ анархическую мысль до ея логическаго конца. И мы настойчиво рекомендуемъ нашимъ читателямъ сочиненіе, оригинальное названіе котораго мы только что выписали.

Говоря, что Бенджэминъ Тэкерь доводитъ анархическую мысль до конца, мы этимъ не хотимъ сказать, что анархическая мысль избавляется имъ отъ всѣхъ свойственныхъ ей противорѣчій. Нѣтъ, хотя Тэкерь гораздо послѣдовательнѣе другихъ анархистовъ, — напримѣръ нашего соотечественника П. Кропоткина, — но и ему не удается вполне избавиться отъ нелогичности, вообще свойственной анархической мысли. Вотъ интересный примѣръ. Въ рѣчи „*Отношеніе государства къ личности*“, прочитанной въ Институтѣ пасторовъ-унитаріевъ 14-го октября 1890 года,

¹⁾ Стр. 153:

²⁾ Стр. 151. Не мѣшало бы російскому послѣдователю „чистаго опыта“ и изобрѣтателю „новой религіи“ г-ну Луначарскому принять во вниманіе эти замѣчательныя, смѣлыя и справедливыя слова Юма. Но въ томъ именно несчастьѣ возобновителей старыхъ системъ, что исторія властно навязываетъ имъ не положительныя, а отрицательныя взгляды великихъ мертвецовъ.

Тэкеръ говоритъ: „Анархисты не только утилитаристы, но эгоисты въ наиболѣ полномъ и крайнемъ значеніи этого слова. Единственной мѣрой прирожденнаго права, по ихъ мнѣнію, является только сила. Всякій человѣкъ... и всякая группа людей, будутъ ли это китайскіе головорѣзы, или конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, — имѣютъ право, если въ ихъ рукахъ сила, убивать или принуждать другихъ людей, или подчинить весь міръ своимъ цѣлямъ. Право общества на порабощеніе индивида и право индивида на порабощеніе общества неравны между собой только потому, что ихъ силы не одинаковы“ (стр. 29-я). Нѣсколькими строками ниже мы читаемъ: „Итакъ, анархисты вопросъ права считаютъ исключительно вопросомъ силы“. Это очень ясно и *по своему* вполне послѣдовательно. Но вотъ на стр. 72-й мы слышимъ отъ того же Тэкера слѣдующее: „Анархизмъ признаетъ право индивида или любого числа индивидовъ опредѣлять, что никто не долженъ насиловать равной свободы своего сочлена. За этими предѣлами онъ не признаетъ никакого права контроля надъ индивидуальнымъ поведеніемъ“. На стр. 74-й онъ говоритъ: „Анархизмъ именно и предполагаетъ охрану и осуществленіе естественнаго права свободы и не предполагаетъ ничего противоположнаго, или еще чего-либо иного“. И совершенно въ томъ же духѣ онъ высказывается на стр. 382: „Соціалисты утверждаютъ, что „день работы, воплощенный въ формѣ капитала“, уже былъ вполне вознагражденъ обладаніемъ этимъ капиталомъ; что если собственникъ ссужаетъ его другому въ пользованіе, и тотъ повредитъ его, разрушитъ или потребитъ какую-либо часть его, то собственникъ имѣетъ право на возмѣщеніе за этотъ вредъ, разрушеніе или потребленіе; и что если онъ получаетъ излишекъ сверхъ возвращеннаго въ неприкосновенности капитала, то его рабочій день оплачивается вторично“. Пойди, пойми! Съ одной стороны мѣрой права служитъ сила и, слѣдовательно нѣтъ никакого естественнаго права. А съ другой стороны естественное право есть, и анархизмъ „именно и предполагаетъ“ его охрану и осуществленіе. Какъ же это такъ? Гдѣ выходъ изъ этого противорѣчія? Логическаго выхода изъ него не существуетъ; его нельзя *разрѣшить*, его можно только *объяснить*, т. е. опредѣлить тотъ логическій путь, который привелъ Тэкера къ его неразрѣшиму противорѣчію.

Какой же это путь? Повидимому, — вотъ какой. Подобно всѣмъ социалистамъ-утопистамъ, анархисты обыкновенно кладутъ въ основу своихъ построений *отвлеченный принципъ*. Такимъ принципомъ для анархистовъ служитъ принципъ свободы индивидуума. Но по мѣрѣ того, какъ развивается общественная наука, становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что искать рѣшеніе того или другого общественнаго вопроса въ томъ или другомъ отвлеченномъ принципѣ — значитъ въ сущности никогда не рѣшить его. Ходъ развитія общественной жизни можетъ быть понятъ только тѣмъ, кто смотритъ на него съ *конкретной* точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія тѣхъ общественныхъ *нуждъ*, а слѣдовательно, и тѣхъ общественныхъ *задачъ*, которыя возникаютъ въ самомъ процессѣ этого развитія. Общественная наука имѣетъ дѣло не съ отдѣльными личностями, а съ общественными группами, внутреннія и внѣшнія отношенія которыхъ опредѣляются въ послѣднемъ счетѣ условіями ихъ существованія. Но тѣми же самыми условіями опредѣляются въ концѣ концовъ понятія группы вообще и въ частности ея понятія о правѣ. Вотъ почему „сила“ и „право“ далеко не всегда такъ противорѣчатъ другъ другу, какъ это представляется людямъ, смотрящимъ на этотъ вопросъ съ отвлеченной точки зрѣнія. Сознаніе этого мелькало, какъ видно, въ головѣ Тэкера; онъ, какъ видно, чувствовалъ несостоятельность свойственнаго анархистамъ утопическаго метода и

хотѣлъ утвердиться на конкретной точкѣ зрѣнія. Такой конкретной точкой зрѣнія представилась ему точка зрѣнія силы. Перейдя на эту точку зрѣнія, онъ началъ презрительно относиться къ принципу прирожденнаго права и объявилъ, что сила является единственной мѣрой этого права. Нельзя сказать, чтобъ это было очень удачнымъ опытомъ конкретнаго мышленія; но опытъ, хотя и не весьма удачный, былъ все-таки сдѣланъ. Оставалось продолжать его, исправляя то, что оказывалось неудовлетворительнымъ въ его результатахъ. Какъ же можно было продолжать этотъ опытъ? Очень просто. Замѣнивъ понятіе права понятіемъ силы, Тэкеръ долженъ былъ спросить самого себя, откуда берется, чѣмъ опредѣляется сила общественнаго человѣка. А этотъ вопросъ вплотную привелъ бы его къ вопросу о тѣхъ коренныхъ причинахъ, отъ которыхъ зависитъ ходъ и направленіе общественнаго развитія. Но у Тэкера не достало терпѣнія, — а вѣроятно, также и теоретической подготовки, — для занятія вопросами этого рода. Перейдя на точку зрѣнія силы, онъ перенесъ туда съ собою свойственную анархистамъ привычку къ отвлеченному мышленію, т. е. остался такимъ же утопистомъ, какими являются анархисты, держашіеся точки зрѣнія *права*. Поэтому его попытка найти для себя болѣе конкретный методъ мышленія осталась совершенно безплодной, и онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ вернуться къ той самой точкѣ зрѣнія права, которую онъ въ цитированной нами выше рѣчи „Отношеніе государства къ личности“ отвергъ съ такимъ высокомернымъ презрѣніемъ. А вернувшись на точку зрѣнія права, — отвлеченнаго права отвлеченнаго индивидуума, — онъ по необходимости долженъ былъ прійти по крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ абсурдовъ, къ которымъ приходятъ въ своихъ построеніяхъ анархисты. Какъ на примѣръ такихъ абсурдовъ, мы укажемъ на то его мнѣніе, согласно которому принудительное воспитаніе противорѣчитъ духу анархизма. Что значитъ принудительное воспитаніе и почему оно противорѣчитъ духу анархизма? А вотъ слушайте.

Одинъ народный учитель обратился къ Тэкеру^о со слѣдующими вопросами.

1. „Если родитель моритъ голодомъ, мучитъ или калѣчитъ свое дитя, активно напада на него къ его ущербу, то справедливо ли вмѣшательство другихъ членовъ группы съ цѣлью недопущенія такого нападенія?“

2. „Если родитель не заботится о доставленіи своему дитяти пищи, крова и одежды, пренебрегая, такимъ образомъ, тѣмъ долгомъ самоотверженія, который предполагается вторымъ выводомъ изъ закона равной свободы, то справедливо ли вмѣшательство другихъ членовъ группы съ цѣлью принужденія его къ исполненію долга?“

3. „Если родитель преднамѣренно стремится къ тому, чтобы помѣшать своему дитяти достигъ умственной или нравственной зрѣлости, безотносительно къ зрѣлости физической, то справедливо ли вмѣшательство другихъ членовъ группы съ цѣлью недопущенія такого нападенія?“

4. „Если родитель не заботится о доставленіи своему дитяти возможности достигъ умственной зрѣлости, — предполагая, что умственная зрѣлость можетъ быть опредѣлена, — то справедливо ли вмѣшательство другихъ членовъ группы съ цѣлью принужденія его къ доставленію такой возможности?“

5. „Если признать, что умѣніе читать и писать, т. е. умѣніе изображать и объяснять постоянные знаки мышленія, есть *необходимое* проявленіе зрѣлости, и если родитель не заботится о доставленіи своему дитяти возможности научиться читать и писать или отказывается использовать возможности уже имѣющуюся, то справедливо ли вмѣшательство другихъ членовъ группы съ цѣлью принужденія его доставить или использовать возможность?“ (стр. 186-я).

По поводу этих вопросов Тэкеръ замѣчаетъ, что онъ не можетъ рѣшить, справедливо ли вмѣшательство, „не рѣшивъ раньше того, имѣется ли въ данномъ случаѣ нападеніе или нѣтъ“. Но онъ прибавляетъ, что еслибъ его вопрошатель рѣшился замѣнить слова: „справедливо-ли“ словами: „согласно ли съ политикой анархизма?“, то онъ далъ бы ему на его вопросы слѣдующіе отвѣты:

1. „Да“.
2. „Да, въ достаточно серьезныхъ случаяхъ“.
3. „Нѣтъ“.
4. „Нѣтъ“.
5. „Нѣтъ“ (стр. 188-я).

Итакъ, другіе члены группы могутъ вмѣшаться, если отецъ морить голодомъ, мучить или калѣчить своего ребенка. Но если онъ только не заботится о доставленіи ему пищи, крова или одежды, то тутъ вмѣшательство возможно „въ достаточно серьезныхъ случаяхъ“. Если же, наконецъ, родитель мѣшаетъ умственному или нравственному развитію ребенка, то здѣсь никакое вмѣшательство не допустимо. Почему жъ это такъ? Вотъ почему. „Всегда свобода, говорятъ анархисты. Не примѣнять силы иначе, какъ противъ нападающаго; а въ тѣхъ случаяхъ, когда трудно рѣшить, является ли данный обидчикъ нападающимъ, или нѣтъ, все же не примѣнять силы, если только необходимость немедленнаго рѣшенія не столь настоятельна, что сила нужна для спасенія жизни“ (стр. 187-ая). Таково общее правило. „Приложивъ это правило къ разсматриваемому нами теперь вопросу, мы сейчасъ же ясно увидимъ, что физическая сила не должна быть примѣняема къ такому дурному обращенію съ дѣтьми, которое влечетъ за собою ихъ умственную и нравственную приниженность, такъ какъ послѣдствія такого обращенія болѣе или менѣе отдалены. Наоборотъ, дурное обращеніе съ дѣтьми въ смыслѣ ихъ физическаго изувѣченія, если только оно достаточно серьезно, можетъ вызвать примѣненіе физической силы“ (стр. 187—188-ая).

Съ точки зрѣнія индивидуалистическаго анархизма, всеобщее обязательное образованіе является, какъ видите, нарушеніемъ свободы... невѣжественныхъ или злонамѣренныхъ родителей. Это, конечно, большіе и вредные пустяки. Излишне доказывать это. Но не мѣшаетъ обратить вниманіе на то, какимъ путемъ Тэкеръ пришелъ къ этимъ пустякамъ. Его привелъ къ нимъ тотъ отвлеченный принципъ, согласно которому общество имѣетъ право вмѣшаться только тамъ, гдѣ есть нападеніе. Самъ по себѣ этотъ принципъ, пожалуй, и не дуренъ. Но бѣда въ томъ, что этотъ недурной принципъ, вслѣдствіе своей крайней отвлеченности, ровно ничего не опредѣляетъ и не рѣшаетъ. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, кого слѣдуетъ признавать нападающимъ. А что касается отвѣта на этотъ вопросъ, то на него даже и не намекаетъ указанный Тэкеромъ отвлеченный принципъ. Вотъ почему этотъ вопросъ рѣшается Тэкеромъ съ помощью какихъ-то другихъ соображеній, приводящихъ его къ тому убѣжденію, что всякая данная общественная группа нарушила бы права родителей, если бы захотѣла помѣшать имъ осудить своихъ дѣтей на невѣжество или на безнравственность. Соображенія эти коренятся очевидно въ томъ старомъ, можно сказать, варварскомъ понятіи, что родители должны имѣть надъ дѣтьми со-всѣмъ или почти неограниченную власть. Исходя изъ отвлеченнаго принципа *свободы*, Тэкеръ неожиданно для себя пришелъ къ защитѣ принципа *власти*. Подобные пассажи нерѣдко случаются съ анархистами, и происходятъ по той простой причинѣ, что анархическія разсужденія основываются обыкновенно, какъ мы ужъ сказали, не на конкретныхъ общественныхъ

отношеніяхъ, а на отвлеченныхъ принципахъ. Это обычная ошибка утопистовъ; но анархисты,—эти декаденты утопизма,—доводятъ утопическій методъ до абсурда.

Сила не можетъ быть примѣнена иначе, какъ противъ нападающаго. Но разъ сдѣлано нападеніе, примѣненіе силы можетъ итти по мнѣнію Тэкера очень далеко. Онъ не отрицаетъ ужаса висѣлицы, гильотины, или электрическаго кресла для казни преступниковъ. По его словамъ, они вызываютъ въ немъ такое же отвращеніе, какъ и во всякомъ другомъ человѣкѣ. Но онъ все-таки доказываетъ, что смертная казнь не есть убійство. „Я настаиваю, говоритъ онъ, на томъ, что нѣтъ ничего священнаго въ жизни нападающаго на насъ индивида. Нѣтъ никакого сколько нибудь состоятельнаго принципа соціальной жизни, который воспретилъ бы индивидуамъ, являющимся объектомъ нападенія, защищаться какими только они могутъ способами“ (стр. 216-ая).

Это новое отвлеченное положеніе можетъ быть признано только съ большими оговорками. Оно вѣрно лишь, какъ отрицаніе пресловутаго принципа „непротивленія злу насиліемъ“, къ которому, кстати сказать, Тэкеръ относится съ большой и вполне заслуженной ироніей. Но допустимъ на минуту, что высказанное Тэкеромъ новое отвлеченное положеніе безусловно справедливо. Что выйдетъ?

Если можно *казнить* нападающаго, то очевидно можно примѣнить къ нему и то или другое *полицейское воздѣйствіе*. Выходитъ стало-бытъ, что въ своихъ стремленіяхъ анархизмъ совсѣмъ не такъ далеко уходитъ отъ существующей теперь дѣйствительности, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Тэкеръ твердитъ: „Сила нападенія есть принципъ государства, тогда какъ сила защиты есть одна изъ сторонъ принципа свободы“ (стр. 511-ая). Но оказывается, что во имя „защиты“ можно будетъ сдѣлать то же самое, что дѣлается теперь во имя нападенія. Гдѣ же разница? Ея и здѣсь не найдешь съ помощью абстракцій.

Интересно, что Тэкеръ оказывается признавать анархистами Кропоткина и его единомышленниковъ, потому что они „отрицаютъ свободу производства и обмѣна, самую важную изъ всѣхъ свободъ—безъ которой всѣ другія свободы не имѣютъ никакой или почти никакой цѣны“ (стр. 498-ая). Какъ это разумѣется само собою, „анархисты-коммунисты“ не согласятся признать такой упрекъ правильнымъ; но слова Тэкера имѣютъ свой серьезный смыслъ. Онъ ссылается на слѣдующія строки Кропоткина: „Экспроприація—вотъ что должно быть лозунгомъ будущей революціи, если она хочетъ исполнить свою историческую миссію. Полная экспроприація для всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ хоть какую-нибудь возможность эксплуатировать человѣка. Возвращеніе въ общую собственность націи всего того, что можетъ служить въ рукахъ отдѣльнаго лица орудіемъ эксплуатаціи“. Въ этой выпискѣ выражено, по замѣчанію Тэкера, „отрицаніе права на индивидуальное производство и обмѣнъ“ (стр. 496-ая). И это совершенно справедливо. Тэкеръ могъ бы прибавить, что тотъ, кто объявляетъ средства производства общественной собственностью, тѣмъ самымъ провозглашаетъ извѣстный законъ, опредѣляющій взаимныя отношенія людей въ обществѣ. И онъ могъ бы спросить анархистовъ-коммунистовъ, не противорѣчатъ ли ихъ стремленія къ изданію такого закона тому ихъ убѣжденію, что не должно быть вообще никакихъ законовъ, такъ какъ всякій законъ вреденъ по своему существу.

Смыслъ басни сей тотъ, что если индивидуалистическій анархизмъ страдаетъ многими противорѣчіями, то еще больше противорѣчій замѣчается въ коммунистическомъ анархизмѣ, и что въ сравненіи съ единомышлен-

никами Кропоткина, единомышленники Тэкера должны быть признаны людьми послѣдовательнаго образа мыслей. Коммунистическій анархизмъ, это—круглый квадратъ или сапоги въ смятку, т. е. нѣчто совершенно непримиримое съ логикой.

Г. Плехановъ.

Н. Карѣевъ. Западно-европейская абсолютная монархія XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Общая характеристика бюрократическаго государства и сословнаго общества стараго порядка. С.-Петербургъ 1908. Цѣна 2 р. 25 к. Эта книга представляетъ собою курсъ, читанный авторомъ студентамъ петербургскаго политехническаго института.

„Предметъ настоящей книги—бюрократическое государство и сословное общество въ Западной Европѣ въ періодъ времени между концомъ средне-вѣковой сословной монархіи и началамъ новѣйшаго конституціоннаго государства“, читаемъ мы въ I-ой главѣ. Н. И. Карѣевъ въ этой книгѣ анализируетъ абсолютизмъ, какъ извѣстный политическій типъ, какъ историческую категорію,—причемъ выдвигаетъ общія положенія, которыя затѣмъ иллюстрируетъ многочисленными примѣрами изъ исторіи разныхъ странъ и народовъ.

Подобныя типологическія работы—являются какъ бы классифицированіемъ историческаго матеріала предъ тѣмъ, какъ этотъ матеріалъ можетъ поступить въ распоряженіе социологіи.

Къ наиболѣе интереснымъ частямъ этой книги нужно причислить главы, относящіяся къ хозяйственному быту и экономической политикѣ абсолютной монархіи. Прямое воздѣйствіе экономической эволюціи, постепенно, но неуклонно замѣнявшей натуральное хозяйство—денежнымъ, на выработку и укрѣпленіе абсолютизма указано очень отчетливо. „Все старое государственное хозяйство натурального тина должно было начать перестраиваться по денежному типу, и государи не только не могли не взять за образецъ для подражанія въ устройствѣ своихъ финансовъ то, какъ вели свои денежные дѣла крупные коммерсанты, банкиры и цари биржи, но иногда даже прямо призывали подобнаго рода дѣльцовъ къ себѣ на службу для завѣдыванія финансовою частью“. Абсолютные государи переняли у банкировъ приемъ заключенія займовъ, подобно тому какъ кондотьеры научили ихъ вербовкѣ солдатъ. Государственное хозяйство, въ общемъ, „складывалось по тѣмъ же образцамъ, какіе представляли собою частныя предпріятія коммерческаго и банкирскаго капитализма“. Отмѣчая, что абсолютизмъ устанавливался на западѣ въ эпоху „усиленнаго перехода“ отъ натурального хозяйства къ денежному, авторъ подчеркиваетъ, что „самое установленіе абсолютной монархіи было бы неммыслимо при господствѣ натурального хозяйства, которое замыкаетъ всю общественную жизнь въ рамки мелкихъ мѣстныхъ организацій, какими на самомъ дѣлѣ и были феодальныя сеньеріи“. Экономическая интеграція тутъ, дѣйствительно, обусловливала интеграцію политическую. Авторъ могъ бы въ подкрѣпленіе своей мысли сослаться и на отрицательный, такъ сказать, примѣръ,—на невозможность прочнаго существованія „интегральной“ политической власти при отсутствіи экономической интеграціи,—на разложеніе и расхищеніе суверенной власти римскихъ императоровъ въ послѣднія времена существованія имперіи.

Изъ главъ, посвященныхъ не экономической исторіи абсолютизма, съ большимъ интересомъ читается „Теоретическое осужденіе стараго порядка въ XV—XVIII в. и паденіе его въ XIX вѣкѣ“ и „общее заключеніе“, гдѣ авторъ даетъ сжатый, но ясный очеркъ тѣхъ условій, которыя сначала благоприятствовали развитію этого политическаго типа, а потомъ довели его до одряхленія и гибели.